



# СМЕРТЬ И ТЕНЬ

МАРА И МОРОК

МАРА И МОРОК.  
ОСОБЕННАЯ ТЕНЬ

МАРА И МОРОК.  
500 ЛЕТ НАЗАД

ЛИЯ АРДЕН

МАРА  
И  
МОРОК

500 ЛЕТ  
НАЗАД



МОСКВА  
2022

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
А79

Иллюстрация на обложке  
*Дарьи Бобровой*

Дизайн переплёта  
*Кати Тинмей*

**Арден, Лия.**  
А79 Мара и Морок. 500 лет назад / Лия Арден. —  
Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-172353-8

В прежние времена персонажи из сказок были реальны и встречались смертным едва ли не каждый день.

Я много путешествовал, собирая легенды, слухи и даже откровенные небылицы о Марах и Мороках. Однажды я наткнулся на историю одной Мары, которая жила приблизительно за три сотни лет до исчезновения всех служительниц богини Смерти.

Её настоящее имя намеренно скрывали, и я уверен, что эта история вышла особенной, потому что семья девочки не смогла выполнить главное правило — покинуть родные места.

Малахий Зотов

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арден Л., 2022  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-172353-8

*Эта книга посвящается всем тем,  
кто не захотел отпускать  
Мару и Морока.*



## От автора

**Д**орогой читатель! Данная книга является третьей в цикле «Смерть и Тень», но она же и отличается от основной дилогии, состоящей из книг «Мара и Морок» и «Мара и Морок. Особенная Тень».

Желающие могут без волнений закончить знакомство с циклом на второй книге, так как первоначальная дилогия является завершённой историей. Третья часть — дополнительная книга для всех, кто хочет больше узнать о мире.

Здесь новые герои, новые проблемы и другая история. Несмотря на то что события в этой книге происходят раньше, чем в дилогии, читать третью часть нужно последней. Только в таком случае будут ясны детали диалогов и рассказанной истории. В противном случае они останутся непонятными. Приятного чтения!

## Пролог

**Я** много путешествовал, собирая любые истории, легенды, слухи, даже откровенные рассказы о Марах и Мороках. И однажды мне попалась удивительная находка.

*И чем дальше я копался в этой истории, тем больше поразительных совпадений находил. Я до сих пор не могу быть точно уверен в правильности своих выводов, потому что детали были намеренно стёрты, а история этой Мары на первый взгляд одна из самых непримечательных и даже странных.*

*Эта девочка жила приблизительно за три сотни лет до исчезновения всех Мар. Тогда не существовало Серата и Аракена. Территория этих королевств в тот период была разделена между пятью княжествами: двумя на севере и тремя на юге. Изначально все князья воевали и соперничали между собой, но со временем за счёт некоторых культурных различий, верований и повседневных привычек, под воздействием климатических условий произошло разделение на северную и южную стороны.*

*Так южные княжества Яратское (главный город Ярат), Соленское (главный город Соленск) и Аракенское (главный город Аракен) начали поддерживать друг друга и сотрудничать, стоя против северных княжеств.*



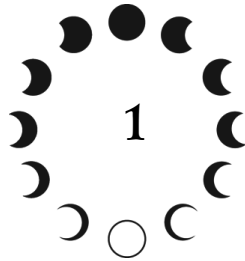
*На севере были Ашорское княжество (главный город Ашор) и Сератское (главный город Серат).*

*История той Мары произошла в непростое время, когда все княжества оказались на пороге изменений, а большинство сказок были реальны и встречались смертным едва ли не каждый день. Сейчас хоть Мары и исчезли, но трудностей с нечистью у людей в разы меньше, чем было раньше. Ныне города у нас многолюднее, каменные стены крепче, а факелы горят даже по ночам, отпугивая оставшуюся нечисть и не давая ей прятаться в сумраке улиц.*

*В старые же времена люди обвешивали дома оберегами, не забывали захватить полынь против русалок, если шли к водоёму, и верили, что призраки могут захватить живого человека, если не защитит голову украшенной лентой.*

*Узнавая трудности судьбы этой Мары, я в очередной раз убедился, что у любых правил есть исключения. А если втянуты боги, то эти исключения чаще случайные, чем намеренные. И что бы кто ни говорил, я уверен, что её история вышла особенной и по-своему увлекательной, потому что семья этой Мары на моей памяти единственная, которая не смогла исполнить первое правило — покинуть место жительства и переехать, дабы юной служительнице богини не взбрело в голову сбежать домой. И вся загвоздка была в том, кем девочка являлась на самом деле.*

Малахий Зотов.  
Забывтое о Марах и Мороках



— **В**от же дрянь!  
Я не хотела этого говорить, но фраза вылетает сама собой, когда я падаю лицом прямо на трухлявые сучья и влажный мох. Мне повезло. Буквально пару сантиметров вправо — и я разбила бы голову о камень. Руками упираюсь в землю, и к ладоням моментально прилипают грязь и старые листья.

— Не ругайся, — насмешливо говорит Ясна.

Едва успеваю откатиться в сторону, когда упырь в попытке впиться мне в шею сам с размаху врежется головой в булыжник. Морщусь, слыша треск костей, однако тварь не реагирует на боль. Нос, челюсть и несколько зубов сломаны, изо рта мертвеца капает вязкая, гнилая кровь. Я вскакиваю на ноги буквально на пару секунд раньше, чем это делает упырь, чтобы вновь броситься на меня.

Шарю взглядом по мху в поисках обронённого оружия. Уклоняюсь и уворачиваюсь, лишь бы не попасть под острые зубы и обломанные, но длинные ногти, что нежить с радостью вонзит мне в кожу и мышцы, если успеет схватить.

Ясна не помогает. Только лениво вгоняет короткий кинжал в шею одному из трёх мертвецов, который всё-таки заметил, что здесь не одна Мара, а две. Сестра

распарывает тонкую кожу шеи, после за одно движение разрезает нити жизни, и тварь падает у её ног. Ясна брезгливо встряхивает рукой с кинжалом, дабы избавиться от крови, но одежда уже испачкана.

— Не желаешь помочь? — иронично спрашиваю я и со всей силы пинаю ближайшего упыря по голени. Тот теряет равновесие и падает.

Не успеваю разmozжить его голову ботинком, как второй бросается на меня, и я отскакиваю в сторону, намеренно огибая кривую сосну. Ясна смеётся, наблюдая за этой незатейливой игрой в догонялки. Она на восемь с небольшим лет старше меня, хотя внешне не меняется с восемнадцати.

— Тебе и без меня весело. Осталось всего лишь двое, — беззастенчиво отвечает она.

Взглядом натыкаюсь на блеск стали среди сосновых шишек. Мой красный плащ цепляется за ветки кустарника, но я продираюсь вперёд, на ходу пригибаюсь, подхватывая топорик за дубовую рукоять. Разворачиваюсь и круговым движением опускаю оружие на голову преследующей меня твари — размахиваюсь с максимальной амплитудой и вгоняю лезвие ровно в центр лба. Водянистые глаза упыря закатываются, он ещё несколько раз открывает и закрывает порванный рот и только после этого оседает на землю.

— Нити, — громко напоминает Ясна, а я бросаю на неё выразительный взгляд, потому что и так тянусь за ними.

В этом году я закончила официальное девятилетнее обучение. Уж за такой срок невозможно не запомнить главное правило. *Пока целы нити жизни, мертвец может подняться.*

У этого упыря одна из трёх нитей всё ещё сверкает живым золотистым светом, но лишь до момента, пока я не перережу её ножом. Та меркнет и исчезает, а мертвец грудой полусгнившей плоти остаётся

лежать под ногами. Второй, которого я сбила ранее с ног, пошатываясь, поднимается. Теперь у него сломана не только челюсть, но и часть черепа. Вновь упал на камень. Однако это не мешает ему снова напасть. Я размашистым движением топорика отрубаю ему кисть, которой он тянется к моему лицу, и втыкаю нож в глазницу. Невольно вдыхаю запах полуразложившейся плоти, и меня начинает мутить. Я ведь только недавно поела, совсем не рассчитывая на встречу с мертвецами.

— Молодец! — с довольной улыбкой хвалит меня Ясна, а я отвечаю ей хмурым взглядом.

— Спасибо за помощь, сестра.

— Не будь такой, я ведь действительно помогла, — надувает губы Ясна и демонстрирует мне грязный рукав.

Вместо ответа я проверяю оставшихся мертвецов и перерезаю их нити жизни. В другой раз мы свалили бы их в кучу, сожгли или хотя бы закопали, чтобы деревенские дети не наткнулись на трупы. Но сейчас у меня нет ни времени, ни желания с этим разбираться.

Ясна словно с приклеенной улыбкой наблюдает, как я принимаю решение, ища, в какую сторону идти. Нам и так прекрасно известно, где находятся ближайшие озёра, но мне нужно особенное. Чувствуя тонкий, сладковатый аромат цветущей липы, я моментально устремляюсь туда. Сестра не задаёт вопросов и следует за мной.

Пять минут я целенаправленно шагаю по пружинящему мху, двигаясь к границе леса. А как только замечаю длинноволосых девиц под цветущим деревом на берегу озера, срываюсь на бег. Они не сразу замечают моё приближение и пускаются врассыпную, только когда я хватаю одну из них за волосы и бесцеремонно стаскиваю с ветки дерева. Русалка визжит, её сестры подхватывают и поднимают вопли, хотя их я не трогаю. Мерзавка не стесняется царапать мне руку, пока

я стискиваю в кулаке её русые волосы. Она как дикий зверь верещит и брыкается. Я охаю, неожиданно получив болезненный удар в живот, и разжимаю пальцы. Нечисть пользуется свободой и пытается удрать, но чёрта с два ей удастся меня одурачить. Я дёргаюсь вперёд и хватаю её нити жизни, русалка моментально замирает, боясь даже шелохнуться, знает, что теперь лучше смиренно стоять на месте.

Её сестры, забравшись в воду, держатся на безопасном расстоянии, шипят на меня, хотят помочь своей мёртвой подружке, но Ясна встаёт рядом со мной, обнажая короткий прямой меч.

— Притихли! — командным голосом приказывает она. Нечисть моментально прикусывает языки, прекращая скалиться, и теперь уже внимательнее осматривает наши красные одежды.

Я удовлетворённо киваю, когда на прекрасных девичьих лицах появляется всё больше неуверенности и страха. Теперь они робко жмутся друг к другу, отодвигаясь от нас подальше. Некоторые и вовсе по пояс залезают в воду, готовые в любой момент скрыться.

— Ну ты и дрянь! — вновь говорю я, встряхивая русалку за нити жизни.

Она начинает канючить и рыдать, обильно роняя драгоценные слёзы на белое кружевное платье, почти такое же, как и на остальных мёртвых девушках. На вид ей лет семнадцать, большие голубые глаза, шелковистые русые волосы и жалобно трясущаяся нижняя губа. Босыми ногами она нервно приминает траву, дожидаясь возможности улизнуть. Вся эта напускная невинность меня не обманет. Стоит только отвлечься, как она опять начнёт верещать и вцепится мне в лицо ногтями.

— Я вытащила из твоих волос полынь, пока ты выла и каталась по мху! А в ответ как ты мне отплатила?! — Меня окутывает злость, рука трясётся, и я едва сдерживаюсь, чтобы не оборвать жизнь девицы до конца.

Как и у остальных русалок, из трёх нитей жизни две продолжают сверкать, но обитательницы вод всё равно нечисть. Были убиты или сами утопились в этом озере. Несмотря на их близость к потустороннему миру, целенаправленно русалок мы не убиваем. Они считаются в меру разумными и скорее зло шутят над смертными, чем специально вредят. Хотя мы строго запрещаем убивать людей, и если русалка замечена за подобным или же сходит с ума, становясь жестокой, а деревенские попросят нас от неё избавиться, то так мы и поступим.

*И что дёрнуло меня помочь этой девице?*

Пусть бы и дальше плакала, неспособная прикоснуться к траве, что жгла ей кожу головы. Может, и поделом было. Небось приставала к какому-то человеку, а у того был пучок полыни, как оберег от подобных ей.

— Отпусти её, Мара, — неуверенно подаётся вперёд одна из других русалок. Вероятно, старшая среди своих сестёр. — Она ничего не сделала тебе. Людей она не топила. Сейчас наше время, на Русальной неделе даже в деревни позволено ходить!

— Верни то, что украла, — чеканю я своей русалке, игнорируя слова её сестры.

Та подчиняется, поднимает трясущуюся руку и медленно разжимает пальцы, демонстрируя мою подвеску. В центре серебряная лунница<sup>1</sup>, заключённая в круг, а по краям нанизанные на кожаный шнурок жемчужные бусины. Другие девицы ахают и возбуждённо перешёптываются.

— С ума сошла?! — рывкает старшая на русалку, которую я продолжаю удерживать. — Совсем мозги водой наполнились? Кто же крадёт у прислужниц Мораны?!

---

<sup>1</sup>Украшения в форме лунного полумесяца. Символ женского начала и плодородия. (Здесь и далее прим. авт.)

Не отпуская пленницу, я выхватываю у неё своё ожерелье. Та плачет пуще прежнего, лепеча оправдания:

— Блестело оно, я не... я не знала, оно просто красивое...

Ясна рядом устало вздыхает, слушая рыдания. Мы обе знаем, что русалке не стыдно, она не сожалеет. Просто трясётся за свою шкуру, и не более. Понимает, что на жалость давить надо, но мы не раз встречали подобные трюки.

— Дура! Никогда не кради у той, что даже летом продолжает пахнуть зимой! — отчитывает её старшая, а потом переводит взгляд на меня. — Прости её, Мара. Дурёха она совсем. Взгляни на волосы! В них нет и намёка на зелень. Совсем недавно она утопилась.

Я нехотя перевожу взгляд на русые пряди. Она права. Чем дольше русалка мертва, тем зеленее её космы. Эта же словно живой человек. Даже щёки румяные, а кожа лишь немного бледнее, чем у обычной девушки. Всё это никак не смягчает моего настроения, но я всё же с самого начала не планировала её убивать. Если мне удалось её запугать, то этого пока хватит.

— Чтобы больше такого не повторялось, — сухо предупреждаю я и отпускаю нити.

Русалка за секунды прытко устремляется к воде и поднимает тучу брызг, ныряя в спасительное убежище. Остальные следуют за ней, страшась, что мы можем передумать. Лишь старшая окидывает нас с Ясной долгим взглядом и медленнее своих сестёр исчезает под водой.

Мои плечи поникают, я чувствую усталость, скопившуюся за сегодняшний день. До заката осталась ещё пара часов. Мы всего-то вышли поискать ягоды и травы. Ни я, ни Ясна не рассчитывали встретить русалку. Мы ей помогли, а та в ответ меня обокрала и привела к нам упырей, заматавая следы. Сестра подходит к озеру и моет в воде руки, полощет рукав, пытаясь избавиться

от кровавых пятен. Русалкам это точно не по нраву, но те даже голов больше не высовывают. Я вновь поворачиваюсь к цветущей липе, на чьих ветвях так любит сидеть озёрная нечисть.

— Это ведь его? Поэтому ты так разозлилась? — тихо интересуется сестра, когда молчание затягивается.

Она не смотрит на меня, а вопрос задаёт как бы невзначай. Однако я уверена, что она знает ответ и как много это ожерелье значит для меня.

— Да. Это он сделал. Его последний подарок, — ровным голосом отвечаю я, стараясь не думать о прошлом.

— Серебро местами потемнело. — Ясна подходит ближе и критично осматривает украшение. — Да и кожаный шнурок бы заменить, раз русалка так легко сорвала с твоей шеи. Давай я отдам его Мире, ты знаешь, что она аккуратна с украшениями.

Я шумно выдыхаю, когда сестра медленно вытягивает ожерелье из моей руки и прячет во внутреннем кармане красного плаща.

— Не говори...

— Я не стану говорить, что это от твоего брата, — с полуслова понимает она. — Хотя глупо хранить подобное в секрете и думать, что они не догадаются.

— Не хочу, чтобы они решили, будто я опять не могу с этим справиться.

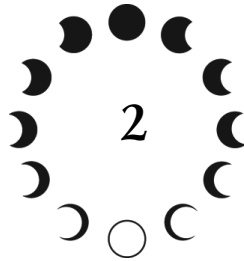
В голубых глазах Ясны немая поддержка, она ласково улыбается, вытаскивая несколько сучков из моей растрепавшейся косы. Я с недовольством осматриваю свою испачканную одежду. На нас с сестрой похожие наряды, которые в первое мгновение можно принять за туго подпоясанные платья. Раньше это они и были, но недостаточно быстрая реакция или слишком медленный бег могут стоить нам жизни, поэтому под низ мы надеваем штаны, а платья разрезаны по бокам от самых бёдер, чтобы не стеснять движения. Иногда мы



носим мужские наряды — косоворотки и штаны, — но они в разы больше смущают деревенских, поэтому нам пришлось придумать ещё один вариант. Сейчас разрезы скрыты благодаря плащам, и наряды похожи на привычные сарафаны. Но русалки были правы — началось лето, а вместе с ним и Русальная неделя. Близится летнее солнцестояние. В холодный период мы носим утеплённые накидки и кафтаны, а в скором времени и в самых лёгких плащах станет жарко.

— Пойдём домой, Вела, — предлагает Ясна. — Ягоды бессмысленно искать, рано ещё.

Я рассеянно киваю, а сестра по привычке берёт меня за руку и настойчиво тянет в направлении нашего храма, на восток. Ещё несколько раз я оборачиваюсь на пруд. Водная гладь остаётся спокойной, доказывая, что нечисть не станет даже высовываться, пока мы не уйдём подальше.



*13 лет назад*

**Я** падаю с нижней ветки нашего дуба. Высота достаточная, чтобы при неудаче я разбила голову, но в итоге лишь на ладонях остаются ссадины от коры. Я сильно пачкаю кафтан, падая на влажную землю. Ночью была любимая нами с братом весенняя гроза.

Плачу, скорее от испуга, чем от боли. Слёзы застилают глаза, я перестаю что-либо видеть и продолжаю рыдать. Нос закладывает, и я хватаю ртом воздух, пытаюсь дышать между всхлипами. Кто-то зовёт меня по имени, голосов становится больше.

— Да это лишь ссадины, Вела! Не плачь! — старший брат нервно озирается, замечая приближающихся взрослых. Ему явно достанется за то, что опять поддержал моё лазанье по деревьям. — Ш-ш-ш! Всё хорошо, давай отряхну.

Он дёргает меня вверх, заставляя подняться на ноги. Я клещаю зубами от неожиданности и на несколько секунд забываю о плаче, но потом всё продолжается.

— Прекрати реветь, Вела! — умоляюще тянет Валад, несколькими движениями отряхивая мою одежду.

*В его взгляде появляется паника, он замечает, что я захлёбываюсь слезами и воздухом, не в силах сделать полноценный вдох.*

*— Гляди на дуб, с которого ты упала, что за птичка там? Ну взгляни же, чёрная какая!*

*Я запрокидываю голову, потому что плач плачем, а интерес всё же есть. Сквозь слёзную пелену и густую крону с трудом различаю чёрного ворона. Птица чистит перья, не обращая внимания на мои рыдания. Её я знаю. Она принадлежит отцу — передаёт послания. Брат любит возиться с птицами, говорит, что у него выходит их тренировать. Я просила показать, но меня не пускают, боясь, что я сделаю что-то не то и вороны мне выклюют глаза.*

*Валад бьёт себя по карманам, судорожно что-то ищет, а когда находит, демонстративно трясёт этим прямо перед моим лицом. Вещица бряцает и сверкает, отражая солнечный свет. Я перестаю плакать и отвлекаюсь от птицы, разглядывая вещицу внимательнее.*

*— Вот так! Перестанешь плакать, и она будет твоей, — уговаривает брат, начиная активнее трясти украшением перед моим носом. — Это я сам сделал. Хотел тебе позже подарить.*

*После нескольких уже неуверенных всхлипов я смагиваю слёзы и слежу за раскачивающейся на кожаном шнуре серебряной лунницей. Речной жемчуг переливается перламутром, полностью завладев моим вниманием, и я не замечаю, как подходят наши няньки.*

*— Опять по деревьям лазали?! Так и шею свернуть можно, — причитает Арина. Она помогает отряхивать мою одежду, но мне всё равно, я хватаюсь за украшение.*

*Я перестала плакать, а значит, оно моё.*

*— Не нужно всё позволять сестре, княжич! Знаете же, что от рыданий она и в обморок временами*

*падает, забывая дышать. Возраст у неё уже проказливый и непослушный. Знает, что запрещено, а если не хочет быть наказанной — рыдает и притворяется! — поддакивает Ольга.*

*— Вон весь кафтан и волосы в грязи, а вечером гости съедутся, — не отстаёт Арина, поправляя тонкий платок на своей голове. Валад с натянутой улыбкой слушает их наставления. Раньше мы с ним играли сколько хотели, а теперь что ни сделаем — вечно что-то нарушаем. — Надо всё поправить, пока матушка ваша не увидела.*

*Я прижимаю к груди лунницу, пряча от чужих глаз. Мы с братом поднимаем одинаковые зелёные глаза на женщин. Те вздыхают, зная все вопросы, что крутятся у нас в головах.*

*— Нет, мы не скажем ничего вашей матушке, но только если сейчас же княжна пойдёт мыться. Всю одежду заново выбирать нужно! А пока воду нагреем, уже и до прибытия гостей немного останется, — рассеянно скидывая руки, напоминает Ольга.*

*С утра меня и брата уже вымыли и приодели к встрече с сератским князем и его семьёй. Чудесное событие намечается. Давно уже семьи Ашорского и Сератского княжеств не воюют и не спорят. Все желают объединиться, чувствуя, что легче будет противостоять южным соседям: Яратскому, Соленскому и Аракенскому княжествам.*

*И теперь, когда подрастают дети, все шепчут о слиянии княжеств и о браке Валада ашорского с Алией сератской. Говорят, что при рождении брата в нашем доме были волхвы. Пророчили большое будущее и процветание всему северу, где во главе будет великий князь Валадан.*

*Брату недавно исполнилось десять, а Алие всего восемь. Сегодня они впервые встретятся и спустя годы вступят в полноценный брак. Однако объединение,*

*судя по шёпоту взрослых, — дело сложное и займёт много лет.*

*— Тогда помогите Веле, — то ли просит, то ли приказывает брат.*

*Няньки ворчат, подхватывают меня под руки и насильно ведут к баням. Я не хочу снова мыться, но Арина и Ольга правы. Родители разозлятся и, может, даже запрут меня в комнате в назидание. Но я хочу взглянуть на княжну сератскую. Да и вкусного наготовили так, что всю ночь грохот на кухне не стихал, а дом княжий полон ароматных запахов с самого рассвета. Пир намечается.*

*Няньки торопятся, боясь опоздать. Недостаточно прогревают воду, и я брыкаюсь, не желая залезать в едва тёплую.*

*— Не испачкала бы волосы, не пришлось бы! — ворчит Ольга, заталкивая меня в медную ванну и щедро поливая мне голову водой.*

*— Они чёрные! Грязи почти не видно ведь, — упряплюсь я, а в ответ получаю длинную тираду от обеих женщин.*

*Они ворчат и отчитывают, объясняя важность встречи. Что-то говорят об отце, нашем князе, о моём брате и пользе для княжеств. Для меня же всё это скорее пустые звуки: я быстро перестаю вслушиваться в слова, бросая взгляд на подарок, поблёскивающий из кармана испачканного кафтана. Арина намывает мне волосы, а я думаю, как спрятать украшение, чтобы не заметили. Почему-то не хочу его никому показывать.*

*Меня вытирают, переодевают в чистое белое платье с кружевом, вышивкой и бисером. Длинные волосы расчёсывают, а на голову надевают очелье, украшенное по бокам длинными подвесками с бубенцами, дабы отпугивать нечисть и духов, которые могут пробраться в тело человека, пока он отвлечён празднованием.*

*Когда няни заканчивают меня переодевать, день сменяется на вечер. Мы замечаем, что княжский двор опустел — все уже собрались в усадьбе на праздник.*

*— Гости прибыли, — озвучивает мои мысли Ольга, берёт меня за руку и ведёт в дом.*

*Другой рукой в кармане нового чистого кафтана я сжимаю подаренное украшение. Продолжаю прятать как сокровище. Почему-то эта тайна греет мне душу, будто я знаю что-то, неизвестное другим.*

*Под строгим взглядом нянь я поднимаю край платья и с особой осторожностью обхожу любую грязь и лужи, чтобы не запачкать красные сапожки. В обеденный зал Ольга вводит меня через заднюю дверь, не желая привлечь внимание гостей к нашему опозданию.*

*— Вот и княжна наша — Веледара! — рушит все планы отец, князь ашорский, выкрикивая это приветствие при виде меня. Он со звоном ставит на стол чашу с хмельным мёдом. — Согласись, Радовид, ей хоть и шесть, но уже видно, что вырастет красавицей. Может, у тебя и сын есть в женихи для дочери моей?*

*Матушка пихает отца в бок, нагибается и что-то шепчет, а меня взмахом руки подзывает сестра рядом за стол. Мужчина с аккуратно подстриженной бородой и каштановыми волосами глубоким смехом поддерживает отца.*

*— Если бы был, Верест, то я бы тут же согласился. Я бы на твоём месте боялся, будь у меня такая дочь. Волосы черны как ночь, как бы Морана не захотела её себе в прислужницы.*

*— Хоть и комплимент ты говоришь, но страшный! — незамедлительно отвечает отец, однако в голосе нет обиды, скорее одобрение и гордость. — Надеюсь, Морана спит этим весенним вечером и не слышит твоих слов.*

*Я обвожу взглядом гостей. Здесь множество мужчин, почти нет женщин. Большинство лиц мне незнакомы, вероятно гости, прибывшие с князем сератским. Уважаемый гость сидит близко к нам, в волосах ещё нет седины, но по сравнению с другими мужчинами он кажется удивительно тощим, даже болезненным. Я верчу головой в поисках его жены, что должна сидеть подле, но той нет.*

*Алию сератскую, единственную дочь князя Радовиды, я узнаю сразу. Её посадили рядом с Валадом не только чтобы они хоть немного пообщались, но и чтобы показать, что союз состоится и теперь они всегда будут сидеть рука об руку. Раньше рядом с Валадом сидела я.*

*Брата нарядили в дорожную красную рубашку с чёрным узором, на кафтане золотая вышивка, а на вороте мех горностая. Его чёрные волосы явно не расчесали. Он сидит прямо, гордо, как единственный сын нашего отца, а значит, позже он сам станет князем аиорским или сератским, а если всё пойдёт, как решили взрослые, то эта территория станет единой.*

*Княжна Алия как само солнце. Её кудри золотые и сверкают не хуже зажжённых вокруг свечей. Глаза под стать им светло-карие, да настолько, что почти оранжевые, как янтарные камни в украшениях матушки. Я не могу оторвать взгляд от Алии и не замечаю, когда мама ставит передо мной мою любимую кашу с овощами и тирог с капустой. Как заворожённая, не моргаю и не отвожу от неё глаз, даже когда чувствую запах любимого кваса совсем рядом.*

*Она красивая, красивее любой другой девочки, что я видела в нашем Аиоре. Однако её красота заворачивает так же, как плавное движение змеи в кустах: мне и нравится на неё смотреть, и страшно шелохнуться.*

— Вела, ешь, — тихо окликает матушка.

Я повинуюсь, деревянной ложкой зачерпываю кашу, но продолжаю смотреть на княжну. Брат наклоняется к ней, что-то рассказывает, и на лице Алиш появляется смущённая улыбка. Валад смелеет и продолжает говорить, активнее взмахивая рукой. Теперь девочка тихо смеётся, вежливо прикрывая рот ладонью.

— Мой род прерывается, Верест, — тихо говорит Радовид моему отцу. Остальные гости шумно пьют и едят, брат и Алиш не обращают на других внимания, а я не столько слушаю, сколько просто слышу эти слова, так как сижу рядом. — Моя жена умерла при родах, а меня самого время от времени берёт болезнь. Я уже чувствую, как делят моё место бояре, но пока имеют совесть и делают это шёпотом, за моей спиной.

Отец моментально становится серьёзней, слизывает медовую пену с усов, но не смотрит на собеседника, чтобы не привлекать внимания к их разговору.

— Несмотря на наши прежние разногласия, ты стал мне хорошим другом, а свою дочь я люблю, — продолжает Радовид.

— Ты уверен, что это пока лишь шёпот? Желаете оставить дочь с нами до совершеннолетия? — уточняет отец.

— Уверен, Алишю я пока и сам защитить могу. Знаю, что если объединим мы территории, то Ашор твой останется главным городом. Красив он, не спорю. Стены высокие, дороги широкие да поля вокруг плодородные. Нагляделся я на ваши каменные храмы, крепкие дома и тончайшую резьбу оконных наличников. Не мог не заметить яркую киноварь да сусальное золото на твоих стенах, Верест. — Радовид задумчиво вертит в руках золотой кубок. — Раньше и на моём столе фрукты были на медных подносах, а мёд разливали в серебро да золото.



— Я знаю о твоей ситуации и долгом неурожае, известно мне и о проблемах с мертвецами с востока. Но более снизить цену на зерно не могу.

— Не нужно, в этом году столы хоть и не ломаются от яств, но и смертей от голода не предвидится. Я благодарен тебе за оказанную помощь. Однако сколько бы я ни старался, вижу, что объединение пойдёт моему народу на пользу. Но мой род горд. Мои предки владели территориями у гор многие столетия, поэтому прошу оставить в наследие память о моём княжестве.

— Оставлю, друг.

— Я буду считать это словом твоим. Если же не сдержишь — я узнаю и буду ждать тебя у Мораны, чтобы сообщить богине о твоей лжи.

Губы отца не дёргаются в подобие улыбки. Сказанное — не более чем слова, к тому же Радовид даже с мечом в руке вряд ли выглядит угрожающе. Однако Верест, наоборот, хмурится, слушая это обещание. Знают все, что лжецов Морана не любит, а шутить со смертью даже князья не хотят.

— И ты тогда позаботься о себе, удержи власть ради дочери и нашего уговора.

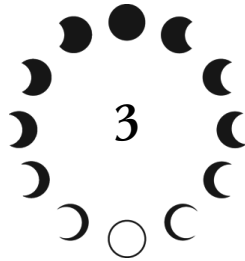
— Да будет так, своё слово я тебе дал, Верест. Моя дочь для твоего сына-княжича. Мои земли для обещанного волхвами великого князя.

Я не замечаю, как записываю в рот ложку за ложкой, не чувствуя какого-либо вкуса. Вновь смотрю только на брата с Алией. Не знаю, что именно я ощущаю, глядя на них, но уверена, что это новое чувство мне не нравится.

— Валадан, покажи невесте, какой подарок ты для неё приготовил! — басит отец, и я так резко поворачиваю голову в его сторону, что подвески на очелье звенят и бьют меня по щекам. — Он сделал его сам!

*Большая часть гостей оборачивается к юному княжичу, заинтересованная гордостью в словах князя. Мне, как и всем, интересно, что Валад сделал. Мужчины взрываются похвалой, одобрительно кричат, так что стены и столы трясутся, когда брат достаёт из-за пазухи ожерелье. Копия моей лунницы, только вся золотая с дополнительными бубенцами, и дорогого морского жемчуга так много, что почти не видно кожаного шнурка. Некоторые начинают одобрительно топтать ногами и хлопать в ладоши, зная, что десятилетнему мальчику такая работа далась нелегко. А я за всем этим гулом в ушах опускаю ложку обратно в кашу. Алия же в ответ дарит жениху кропотливо выполненное кружево, которым после наши портнихи украсят кафтан брату.*

*Пока все радуются, я продолжаю оторопело смотреть на золотую лунницу в руках Алии, а непонятное зарождающееся чувство, что мне так не понравилось, становится только сильнее.*



Я просыпаюсь в своей комнате в храме. С разочарованным стоном сажусь на деревянной кровати. Этой ночью я не рассчитывала на компанию старых воспоминаний, но русалка, украшая мою лунницу, разбередила прошлое, что, казалось, оставило меня в покое.

*Тринадцать лет прошло.*

*Ничего уже не изменить.*

*С того самого проклятого дня всё произошедшее стало неизбежным.*

В начале этого года мне исполнилось девятнадцать. Я завершила обучение Мары, поэтому у меня есть отдельная спальня в храме. Внутри обыкновенная деревянная кровать, несколько сундуков с одеждой и книгами, столик с зеркалом и простой стул. Хотя большая часть домов в городах и деревнях из дерева, наш храм из камня. Здание совсем новое, его закончили возводить семь лет назад. Даже в княжеской усадьбе я не видела таких высоких потолков, а толщина стен и наличие каминов в разы лучше спасают от зимней стужи. Сейчас же, в самом начале лета, приятно оставлять окно приоткрытым ради свежего воздуха.

Опускаю ноги на шкуры на полу и бросаю взгляд в окно. Это утро выдалось настолько туманным, что

сразу и не понять — рассвет только начался или солнечный диск уже полностью показался из-за горизонта. Влага густой пеленой застилает всё, и я с трудом различаю лес, обступивший храм со всех сторон.

Стоит ленивая рассветная тишина.

Сомневаюсь, что кто-то из сестёр уже встал. Может, только служительницы храма — женщины, которым по какой-то причине некуда податься. Мы принимаем их, а они, в свою очередь, заботятся о чистоте храма, приготовлении еды и выращивании овощей на нашем огороде. Хоть большую часть еды мы получаем от благодарных жителей в качестве подношений, но собственные огороды — дополнительная гарантия выживания в годы неурожая. Служительницы снимают с наших плеч рутинные заботы, а мы гарантируем им защиту и свободу.

Я тянусь, прогибаясь в спине, чтобы размять мышцы после сна. Зеваю, чувствуя, что мне не хватило отдыха, но не рискну вернуться в кровать, боясь вновь провалиться в воспоминания.

Решаю немного прогуляться перед тренировкой. Среди нас есть две младшие Мары. Одной восемнадцать, а второй четырнадцать. И хоть временами мне не хочется упражняться, однако мы должны показывать пример младшим. Единственная, кто может позволить себе пропуски, это Руслана — на данный момент старшая Мара. Внешне ей не больше сорока, хотя в действительности она прожила уже девяносто лет. Мы стареем намного медленнее и живём в полтора раза дольше обычных людей.

На чёрную рубаху я надеваю красный сарафан и туго подпоясываюсь, вешая поверх кинжал на ремне, — вокруг храма безопасно, но тяжело изменить привычке. Тру глаза, затем рассматриваю своё отражение в старом зеркале. Опустив взгляд, не удивляюсь луннице на столике. Серебро чистое, как и обещала Ясна. Мира

действительно умеет обращаться с металлом — почистила украшение аккуратно. Решаю поискать для сестры что-нибудь в подарок в качестве благодарности. Может, позже схожу в ближайшую деревню.

Надеваю лунницу на шею. Я годами её почти не снимаю, и без неё кажется, что у меня не хватает какой-то части тела. Волосы просто расчёсываю и оставляю распущенными, ленясь заплетать в косу.

Зная, что деревянная дверь скрипит, как можно аккуратно открываю её и покидаю комнату, тихо прохожу по коридорам мимо чужих спален. Расслабляюсь, только когда попадаю во внутренний дворик. Специально высаженная там сирень благоухает, а капли росы сверкают на бледно-фиолетовых цветах. Улыбаюсь, наслаждаясь запахом. Весна в этом году выдалась холодная, поэтому полноценно сирень зацвела только сейчас, в начале июня. Выхожу через главные ворота, несколько служительниц храма, следящих за тем, кто уходит и приходит, кивают мне, но вопросов не задают. Я уже могу свободно покидать храм. Если пожелаю, могу даже отправиться в любое из княжеств на какое-то время.

Несмотря на брачный запрет, к отношениям все жители храма относятся с пониманием, так как это способствует более спокойной жизни. К тому же все знают, что не было случаев, когда Маре удалось забеременеть. Говорят, кто-то пытался и, разумеется, ничего не вышло.

Нас и так вырвали из семей, наградили постоянной борьбой и навесили на шею запретов. Должна же остаться хоть какая-то радость, особенно после окончания обучения. Поэтому мимолётные увлечения не возбраняются. Достаточно предупредить сестёр о своём отъезде, и вряд ли они станут держать. Единственное ограничение — не уезжать дольше чем на месяц, чтобы не ставить остальных Мар под угрозу. Нас всего семь, и, если нужно будет избавиться от нечисти, лучше делать это в компании.

По слухам, было несколько Мар, что пытались бежать, почувствовав свободу. Но позже все до одной вернулись, не зная, что делать дальше со своей судьбой. Ни одна деревня, ни один город или дом не хотели принимать беглянок, страшась гнева богини Мораны. Оставалась надежда на семью, но по правилам родители девочки, которую выбрала богиня, должны покинуть родное жилище, чтобы не искушать новоиспечённую Мару.

Однако моя семья стала исключением. Я — Веледара, дочь князя Вереста, княжна ашорская, младшая сестра мёртвого княжича Валадана ашорского, что должен был объединить два северных княжества в одно королевство.

Мой отец не мог уехать, будучи главой целого княжества. Однако и от моей семьи почти ничего не осталось. Поэтому после того как в десять с половиной лет меня забрали Мары, я не пыталась вернуться, а Ашор и наши территории я охотно обхожу стороной всё это время. Сёстры знают и никогда меня туда не берут.

Пересекаю поляну перед храмом и углубляюсь в лес. Кожа сапог моментально намокает и темнеет из-за влажного мха и росы. Туман холодит кожу и утяжеляет волосы. Тру ладони, решая, что зря недооценила погоду. Стоило надеть плащ. Прогуливаюсь, слушая птичьи разговоры, и по привычке смотрю под ноги и по сторонам, выискивая целебные травы или ягоды. Мы не так часто гуляем, но всё равно всегда приносим что-то полезное в храм, если находим. Веду плечами, надеясь расслабиться и выкинуть лишнее из головы. Сворачиваю по тропинкам на север, бездумно бреду больше получаса, наслаждаясь простыми движениями, а воспоминания растворяются вместе с туманом, позволяя мне жить в настоящем.

Отвлекаюсь на звук реки справа и решаю прогуляться по берегу. Солнечный свет по-прежнему рассеян

пеленой, и всё же там заканчивается полоса деревьев и на открытой местности должно быть теплее. Как только оказываюсь у кромки леса, замираю, глядя на силуэт в тумане реки. Этот кто-то стоит в воде по грудь. Я не могу точно понять, кто это, хочу окликнуть, зная, что время от времени тут встречаются юноши и девушки, а иногда и дети. Но в этой реке не стоит купаться. На дне много скользких камней, в нескольких метрах от берега резкий обрыв, и пару раз я встречала здесь русалок, поэтому на Русальную неделю особенно не стоит заходить в воду. Лучше спуститься по течению.

Однако из горла не успеваешь вырваться и звука, как человек делает шаг, вероятно, поскользывается и резко уходит под воду с головой. Я дёргаюсь вперёд на несколько шагов, слыша громкий всплеск, жду, что он или она вынырнет. Затаив дыхание, прислушиваюсь в ожидании нового всплеска или ругани, но стоит пугающая тишина.

*Один.*

*Два.*

*Три.*

*Четыре.*

*Пять.*

*Шесть.*

Выругавшись вслух, я бросаюсь к реке, на ходу отстёгивая ремень с кинжалом и отбрасывая его на песок. Едва не падая, стягиваю сапоги. Снимать сарафан у меня нет времени: я не надела штаны. Испугавшись, что это мог быть совсем юный мальчик или девочка, бросаюсь в воду. Поднимаю как можно больше брызг, надеясь отпугнуть русалку, если это её рук дело.

Вода пронзительно холодная, моментально пробирает до костей. Ткань липнет к ногам и телу, затрудняя движения. Как только вода доходит до груди, я ныряю, но не успеваю даже глаза открыть под водой, как головой врезаюсь во что-то. Натыкаюсь на чью-то голую

спину и моментально выныриваю, пытаюсь встать на речное дно. Однако из-за внезапного столкновения всё ещё не успеваю сориентироваться, вновь теряю равновесие и заваливаюсь на бок, во второй раз полностью оказываясь под водой. Та моментально заливает нос и горло.

Кто-то хватается мою руку и рывком возвращает меня на ноги. Это не юноша и даже не девушка, а взрослый молодой мужчина. Первое, что я встречаю, — недоумённый наклон головы и интерес во взгляде, похоже, наше столкновение оказалось для него не меньшей неожиданностью. С его длинных волос по голой груди и плечам стекает вода, но он с невозмутимым любопытством наблюдает, как я откашливаюсь, выплевывая воду. Проходит чуть меньше минуты, пока я прекращаю кашлять. Он продолжает молчать со спокойной полуулыбкой, потревоженная вода вокруг нас успокаивается.

— Здесь опасно, — сдавленно говорю я.

Брови молодого мужчины приподнимаются, он мимолётно оглядывает влажную ткань на моих плечах. Я стою твёрдо, вода достаёт мне до ключиц, когда ему она едва доходит до груди.

— Верно. Зачем тогда полезла? — отвечает он, не предпринимая попыток сдвинуться с места.

— Я думала... ты поскользнулся или русалки... из-за тумана неясно было. Решила, что ты можешь быть ребёнком, — теперь даже для меня самой все эти объяснения звучат как бред, однако он кивает в такт моим словам, задумчиво сжимая губы.

— Действительно. Из-за тумана могло и показать-ся, — он смотрит на меня голубыми, пугающе светлыми глазами. Его губы растягиваются в снисходительной улыбке. — Но поверь, юнцом я перестал быть давным-давно.

*Наглый.*



Его ухмылка и приторно-сладкий тон, с которым он растягивает слова, позволяют мне стряхнуть оцепенение. Однако незнакомец всё равно оказывается быстрее. Подняв из реки левую руку, он демонстрирует мне сеть с трепыхающимися в ней карпами.

— Я ловил рыбу, — коротко объясняет он.

Едва не соглашаюсь, что он выбрал удачное место — здесь есть глубокие ямы, да и сами мы иногда рыбачим в этой части реки, — но моментально осекаюсь, захлопывая рот. Я вся мокрая, стою в воде, выставив себя душой из-за самоуверенного решения помочь, а собеседник продолжает мне нагло улыбаться, всем видом показывая, что понимает, насколько я сглупила.

Кожа на его груди и плечах покрывается едва заметными мурашками, а я сама начинаю трястись. Утро выдалось прохладным. Рано ещё для комфортного купания.

— Пойдём, — собеседник уверенно обходит меня, направляясь к берегу.

Мне не хочется подчиняться, но и остаться в воде будет верхом глупости. Стоит мне развернуться, как я опять неудачно поскользываюсь на камне. В этот раз успеваю удержать равновесие и не уйти под воду с головой, но всё равно поднимаю очередную волну брызг. Молодой человек оборачивается и протягивает мне руку.

— Берись, ведь здесь опасно, — он удивительно хорошо удерживает вежливую улыбку, хотя и не скрывает, что передразнивает ранее сказанную мной реплику.

Я игнорирую издёвку и хватаюсь за протянутую ладонь. Уверена, мой гордый оскорблённый вид повеселит его ещё больше, поэтому не собираюсь давать ему такую возможность. Он сжимает мои пальцы аккуратно и ведёт на берег. У него волосы по плечи, скорее всего, русые — пока они влажные, не разберёшь наверняка, — голубые глаза и недельная щетина на

лице. Крепкое тело и широкие плечи. Я оценивающе рассматриваю тренированную спину, гадая, кем он может быть.

Кузнец?

Возможно, но он молод, не старше двадцати трёх.

Лесничий?

Чувствую мозоли на его ладони и пальцах. Однако не могу понять, это из-за топора или меча. С таким крепким телосложением он с лёгкостью может быть и дружинником у какого-то князя. Тогда что он делает здесь один?

*Ах да.*

*Рыбу ловит.*

Извительно напоминаю самой себе, признавая бесполезность своих догадок. Какая мне разница, кто он такой?

Незнакомец полностью выходит из воды, на нём только тёмные штаны, ткань прилипает к его ногам, бёдрам и ягодицам. Я моментально поднимаю глаза, решая впредь их не опускать. Понимаю, что с моей рубахой и сарафаном дела обстоят так же, когда он поворачивается и без какого-либо стеснения изучающим взглядом рассматривает моё тело.

*Приличий у него тоже нет.*

Но у него слишком правильная речь для простого деревенского парня.

— Пойдём, я собираюсь развести костёр, — неожиданно меняясь в лице, предлагает он и идёт вниз по течению.

Он больше не держит меня за руку, а я подбираю свою обувь, кинжал и послушно следую за ним. Не скажу, что мне хочется провести ещё хоть минуту в компании этого незнакомца, но меня начинает потряхивать от холода. Я ушла достаточно далеко от храма. Вначале лучше высушить одежду, а потом вернуться домой.

Он приводит меня на маленькую круглую поляну. У одной из сосен отдыхает вороной конь. Редкая масть — вороно-чалая. Грива, голова и ноги почти чёрные, но тело тёмно-серого окраса.

Продолжаю гадать, кем же может быть мой собеседник. Не каждый в состоянии позволить себе коня. Однако ничего не спрашиваю, чтобы не проявлять лишнего интереса. Наверняка помимо наглости с таким телом и обаятельным лицом у него ещё и гора самомнения.

Молодой человек подходит к заранее приготовленному для костра месту. Скидывает имеющийся рядом хворост и с помощью кремня высекает искру, поджигая сухие ветки. Я подхожу ближе. Незнакомец подтягивает сеть со свежим уловом к себе: одна рыбина всё ещё дёргается, не желая умирать. Он подхватывает камень и уверенным движением разбивает рыбе голову, прекращая её муки. Поднимает взгляд, когда мне не удаётся скрыть некоторого отвращения из-за этой картины. Он усмехается на мою реакцию, заворачивает улов в другую сумку, скрывая от глаз, и отставляет в сторону.

— Чёрные волосы, красное платье, голос красивый, — неожиданно вслух перечисляет он, тонкой палкой вороша огонь, помогая костру разгораться быстрее. Я ничего не отвечаю, не соглашаюсь и не опровергаю. Тут не нужно быть особо умным, чтобы... — Ты плакальщица<sup>1</sup>?

Я несдержанно фыркаю. Плакальщицы действительно ходят с распущенными волосами, и голоса у них должны быть мелодичными, но...

— Может, портниха? Платье красивое, — продолжает он скучающим тоном, хотя едва сдерживает очередную усмешку, специально раздражая меня. — Вряд ли

---

<sup>1</sup> Старая профессия. Женщина, которая будет рыдать, оплакивая и выражая скорбь над покойником.

дворянка. Они по лесам одни не бродят и в реку не бросаются.

*Немного оскорбительно.* Я намеренно игнорирую провокацию и лишь скептически наклоняю голову.

— Ты — Мара, — уже без намёка на веселье твёрдо решает он.

— Мара, — соглашаюсь я.

К моему удивлению, он реагирует на это спокойно, будто ничего и не изменилось. Многие как минимум начали бы нервничать, рассыпаться в комплиментах или же попытались поскорее избавиться от моей компании. Богиню смерти уважают и боятся. И всё же предпочитают не пересекаться со смертью раньше времени.

Я стараюсь не сильно глазеть на его голый торс, но невольно задерживаю взгляд на нескольких шрамах. Один на рёбрах и другой на плече. По сути ничего особенного, но собеседник замечает моё внимание. Я наблюдаю, как он поднимается на ноги и отходит к коню, чтобы покопаться в седельных сумках.

— Раздевайся, — вновь бесцеремонно заявляет он и бросает передо мной на траву сухие штаны и рубаху.

— Ты серьёзно решил... решил, что... — он знает, кто я, и всё равно с откровенной наглостью предлагает мне подобное. Я настолько удивлена, что не могу даже закончить предложение.

Незнакомец не обращает внимания, у своих ног складывает другой комплект одежды и разматывает пояс и завязки на своих штанах, явно намереваясь переодеться прямо при мне.

— Что? — интересуется он. — Можешь смотреть, если хочешь.

Я уверена, что он блефует, но его пальцы распутывают последние узлы, и он без какого-либо замешательства начинает стягивать влажные штаны. Я сглатываю и отворачиваюсь. Слышу его смешок, и щёки

краснеют больше от раздражения, чем от смущения. Вся моя кожа покрылась мурашками, я тру ладони и поддвигаюсь поближе к огню. Пламя греет, но недостаточно — в скором времени я начну позорно стучать зубами. Тогда уж этот кузнец-лесник-или-кто-он-там будет забавляться ещё больше.

— Насколько мне известно, Мары простые люди. Вы заболеваете и можете умереть, — серьёзно говорит он, продолжая переодеваться. — Уверен, неудачливый рыбак не стоит жертвы и смерти из-за мокрого платья. Если ты не можешь его снять, я могу помочь и разрезать.

— Одно предложение лучше другого, — ворчу я, не обращиваясь.

— Тебе понравилось? — с наигранным воодушевлением парирует он. — Так разрежем?

Уже одетый, в сухих чёрных штанах и косоворотке, он садится с противоположной стороны от костра на траву и натягивает кожаные сапоги. Медленно его волосы высыхают, и я убеждаюсь, что цвет угадала верно. Они русые.

— Я серьёзно. Я бы не хотел злить богиню тем, что по моей вине умерла одна из её приспешниц. Если ты не можешь его снять, я помогу, но приставать к тебе не собираюсь.

Он демонстративно отворачивается, ещё несколько секунд я размышляю, не готовая надевать чужую да еще и мужскую одежду, но холод уже пробирается в мышцы, и это действительно может плохо закончиться. С трудом я разматываю пояс, стягиваю липнувший к телу сарафан и рубаху и морщусь от прикосновений воздуха к влажной коже. Незнакомец не пытается подглядывать и сидит смирно, слушая шорох одежды.

— Я всё.

Он поворачивается, и голубые глаза следят, как я неловко подворачиваю длинные рукава. Вся его оде-

жда мне велика. Штаны не падают только благодаря поясу, что он дал, но выгляжу я абсолютно нелепо. Его рубашка пахнет костром и лесом, ничего необычного. Кто знает, сколько дней он так ночует, может, он не местный и уже давно в пути.

— Спасибо, — благодарю я, поправляя подсыхающие волосы.

— Как тебя зовут, Мара? — неожиданно интересуется он, разглядывая лунницу на моей шее.

— Мара, — отвечаю я, пряча украшение под ткань.

— Нет, я слышал, что у каждой Мары есть настоящее имя.

— Меня зовут Мара, — упрямо вру я.

После того как меня забрали в Мары, князь Верест распустил весть, что его дочь — княжна Веледара — умерла. Перед мнимой кончиной ходило много слухов о моём здоровье. Возможно, рыбак их не слышал, но я не желаю рисковать и никому не раскрываю настоящего имени. Все сёстры поступают так же, если мы куда-то выезжаем или с кем-то знакомимся. Всем я представлена просто как Мара.

— Удивительное совпадение, — с лживой улыбкой реагирует он, явно не веря ни единому слову.

— А как тебя зовут?

— Ирай, — без запинки отвечает он, глядя мне в глаза.

— Откуда ты, Ирай? С какой стороны прибыл?

— С севера. Из Сератского княжества, но родом из Ашорского.

Для меня это плохо. Люди, рождённые на территориях отца, могут всё ещё помнить о княжне Веледаре. Медленно оглядываю собеседника с ног до головы, чтобы перевести тему.

— Тело крепкое, одежда приличная, шутить любишь, — копируя его недавнюю издёвку, задумчиво перечисляю я. Ирай поднимает взгляд, ожидая продол-

жения, но я намеренно тяну паузу какое-то время. — Ты скоморох<sup>1</sup>?

В ответ он пару раз растерянно моргает и раздражается тёплым смехом, запрокидывая голову назад и открывая шею. Несколько птиц срываются с ветки, потревоженные неожиданным шумом.

— Скоморохам нужно крепкое тело? — отсмеявшись, интересуется он.

— Уверена, нелегко плясать, развлекая простой люд, да и от княжих дружинников временами удирать приходится.

Он продолжает хищно улыбаться, насмешливо кивая моим словам, но молчит и ждёт от меня новой попытки.

— Ты — кмет<sup>2</sup>, — с излишней уверенностью решаю я.

По его наглому выражению лица всё становится ясно.

*Я ошиблась.*

*Дважды.*

Он не кмет, и мне стоило бы выбрать другой синоним.

— Кмет? Не думал, что произвожу впечатление лучшего.

— У тебя есть конь, — пытаюсь сгладить свою ошибку. — Ухоженный и явно резвый. На таких князья и их дружинники ездят.

— И Мары, — добавляет собеседник.

— И Мары, — соглашаюсь я.

Редко, но князья дарят нам коней в качестве подношения. Подобные дары сильно облегчают жизнь, позволяя добираться в нужные места быстрее.

— Я косторез, — неожиданно прекращает незатейливую словесную игру Ирай.

---

<sup>1</sup> Певец-музыкант и бродячий комедиант.

<sup>2</sup> К м е т — синоним слова витязь/дружинник. Упомянуется как конный воин, лучший среди остальных.

Мне тяжело скрыть удивление, это я бы не угадала. Я слышала про эту профессию, но никогда не видела косторезов вживую. Кропотливая и изысканная работа. Косторезы должны обладать редким умением, терпением и особенным талантом. Именно они вырезают иглы для лекарей, обереги всех вариантов для различных сословий и украшения для знати. Их профессия тесно связана со смертью, так как они часто ещё и умелые охотники и работают с костями отловленных животных. Некоторые косторезов страшатся, но и уважают, зная, что их творения — сильнейшие талисманы. Кто-то верит, что их таланты — дар богов. Князья и витязи заказывают у них не только ожерелья для жён и детей, но иногда и целые рукояти для кинжалов, лекари — костяные ножи и иглы, а простой люд будет рад даже самой маленькой статуэтке.

Косторезы часто кочуют, в любом городе или деревне каждый с радостью предоставит ночлег и еду такому человеку, лишь бы в качестве платы получить оберег.

Не успеваю задать новый вопрос, как меня перебивает урчание собственного желудка. Поднимаю глаза к небу, вычисляя, как давно я пропустила завтрак.

— Если позволишь, я отвезу тебя домой. — Ирай поднимается на ноги и тушит костёр, не дожидаясь моего согласия. Но от этой помощи я не откажусь.

Мне всё ещё холодно, и идти пешком по лесу я не хочу. Косторез собирает вещи в седельные сумки. Он даёт мне мешок, чтобы я сложила свою влажную одежду. Тайком разглядываю его оружие. Один прямой меч, несколько длинных кинжалов, топорик, лук и колчан стрел. Теперь такое количество вооружения объяснимо. Он часто охотится.

Ирай садится на коня, сдвигается ближе к крупу в седле и протягивает мне раскрытую ладонь, предлагая сесть спереди. Не сразу, но я принимаю помощь и невольно прижимаюсь к его тёплой груди теснее,



когда он накидывает мне на плечи свой плащ. Несмотря на всё, я действительно не хочу заболеть: кожа всё ещё покрыта мурашками, а Ирай пышет теплом и здоровьем. Он не спрашивает, куда идти, сам знает и направляет коня на юг.

Косторез молчит, и я следую его примеру, но внутри чувствую странное разочарование. Осознаю, что, несмотря на все колкости и насмешки, с ним было интересно разговаривать, и я бы хотела побольше узнать о его профессии. Где он бывал? Какие истории слышал? В чьих княжеских домах спал?

Однако теперь ещё больше сомневаюсь, что разумно это делать. Не стоит расспрашивать его о князе ашорском. Если он бывал в доме моего отца, то наверняка слышал не самые приятные истории обо мне, а кто-то, может, и сболтнул о том, как Мары пришли за будущей сестрой. Ирай явно неглуп, не хочу давать ему ни единой подсказки.

Стук его сердца отдаётся мне в спину, а мерный шаг лошади успокаивает. Я согреваюсь и незаметно для себя погружаюсь в дрему. Обычно я не настолько доверчива, но ночные кошмары о прошлом не дали мне возможности отдохнуть, а теперь тепло чужого тела действует удивительно умиротворяюще.

— Приехали.

От шёпота на ухо я вздрагиваю, выныривая из ватного полусна. Чужая рука обхватывает мою талию, не позволяя свалиться с коня.

— Приехали, Мара, — повторяет Ирай, и я поднимаю глаза, фокусируя взгляд на серых стенах храма.

Молодой человек предусмотрительно остановился на почтительном расстоянии от ворот. Замечаю, как двери отворяются и оттуда выглядывают несколько служительниц храма, не уверенные, собирается ли гость заходить. Их расталкивает Ясна и, увидев меня, незамедлительно направляется к нам.

Я соскальзываю со спины коня, благодарю Ирая за то, что довёз. Он отдаёт мне мешок с моей мокрой одеждой.

— Если ты подождёшь, то я переоденусь и верну тебе твои вещи, — говорю я, вспоминая, что на мне чужой наряд.

— Не утруждайся, Мара, они не новые. Можешь оставить себе.

Я не согласна, одежда выглядит опрятно. Косторез не даёт мне шансов оспорить его слова, перебивает, протягивая мне другой мешок со своим уловом.

— Возьми две. В благодарность за моё спасение от утопления. — К нему возвращается насмешливое настроение, и я закатываю глаза.

Я помню, что там три рыбы, хоть и карпы, но не самые крупные особи. К тому же кости пригодятся ему для работы, а у нас еды достаточно.

— Оставь себе, рыбу я не особо люблю.

Его брови удивлённо приподнимаются, но улов он убирает.

— Тогда прими это в качестве моего подношения богине. — Ирай наклоняется ниже и суёт небольшое лукошко мне прямо под нос. Я бессознательно принимаю его раньше, чем смотрю, что там внутри. — Ещё не сезон для большинства ягод, я нашёл лишь немного земляники. Не отказывайся, — настойчиво продолжает он, когда я только открываю рот, — это же храм Мораны. Помолись за моё удачное перерождение, хотелось бы верить, что смерть ко мне будет благосклонна.

Это обычные ритуальные слова, многие так говорят, даруя нам еду, однако мне никогда не нравилось, что люди заранее говорят о своей кончине, будучи живыми и здоровыми. Обычно я выслушиваю молча, но сейчас не могу сдержаться, чтобы не поправить:

— Только когда придёт твоё время.

— Разумеется. Только когда придёт время. — Он выпрямляется в седле, разворачивает коня и уходит на север, скрываясь в лесу раньше, чем Ясна успевает к нам подойти.

— Ого, земляника! — радуется сестра, и я тут же отдаю ей лукошко. — Инга и Мира будут в восторге, всё не дождутся летнего сезона и нового урожая.

Я почему-то продолжаю смотреть в чащу леса, будто Ирай вернётся, сказав, что что-то позабыл. Но проходят секунды, Ясна замечает моё глупое поведение, и я отмахиваюсь от своей нелепой мысли. Сестра шумно вытягивает носом воздух.

— От твоих волос пахнет рекой, сестра. Странное время для купания. — На её лице появляется лукавое выражение, пока она трогает надетую на мне чужую рубашку. — Или ты плавала в компании? Ты даже не сказала мне, что с кем-то встречаешься.

— Не встречаюсь! — Я начинаю нервничать, чувствуя, как щёки становятся горячими, я ведь совсем не подумала, как пройду по храму в мужском наряде.

— Случайная связь? Ве-ела, — сладко тянет подруга, — вроде ты была абсолютно против мимолётных увлечений после того неудачного раза.

Сестра закидывает несколько ягод земляники в рот, не спуская с меня пристального взгляда, отчего даже мои уши горят. Первый раз у меня и вправду был не самым удачным, я перебрала хмеля на празднике, а молодой дружинник был очень красивым и учтивым. Я бы никогда не стала поддаваться сладости речей, но алкоголь сделал меня беспечной и слишком весёлой. Правду я рассказала Ясне и Мире. Сёстры меня успокоили, а потом посмеялись, говоря, что зря я себя корю и отказываюсь хоть от той любви, что могу получить. Моя жизнь княжны оборвалась, как только я стала Марой, и нет смысла держаться за прошлое воспитание. Мне не светит ни брак, ни дети, ни семья.

Поэтому и нет смысла лишать себя хотя бы временной любви.

— Не было ничего. Я упала в реку, он дал свою одежду, — скуповато выдавливаю я, зная, что Ясне лучше не рассказывать много, а то она надумает сверх меры.

— Кто «он»? — переспрашивает сестра, занятая разглядыванием земляники в лукошке.

— Ирай.

— Одежду дал, имя своё назвал. Именно в таком порядке? Или представился он всё же прежде, чем...

— Он косторез.

Вот теперь лицо Ясны вытягивается от удивления точно так же, как и у меня ранее. Я хмыкаю, радуясь, что удалось застать её врасплох.

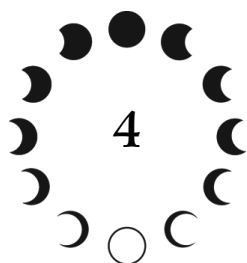
— Восхитительно! Ты узнала, где он живёт? — Ясна, не отрывая от меня взгляда, бездумным жестом запикивает ещё больше ягод в рот.

— Нет, они же кочуют. — После вопроса я сама чувствую некоторое расстройство от своего незнания. Стоило хоть спросить, где он остановился, нам бы не помешали новые костяные иглы.

— Жаль, но тогда я помолюсь богине, чтобы он принёс ещё подношений.

У меня вырывается сдавленный смешок, Ясна явно не прочь пообщаться с косторезом поближе. Уверена, он в её вкусе. Толпа служительниц храма у ворот разрастается, они громко перешёптываются, бросая в нашу сторону любопытные взгляды. Сестра накидывает мне на плечи свой алый плащ, чтобы скрыть мужскую одежду. Я принимаю её к подсохшим волосам и морщусь от запаха рыбы.

Сперва стоит помыться.



— Ты слышала истории о Тени и Моране, княжна? — Валад садится прямо на дорогие шкуры перед тёплой печью. Праздник всё продолжается, а нам — троим детям — позволили удалиться на кухню, чтобы поиграть вместе и познакомиться поближе. Мы с братом любим страшные истории, я уверена, он знает все сказки на свете.

Алия вначале неуверенно перебирает пальцами длинные бусы из морского жемчуга, а только потом садится напротив моего брата. Я сажусь третьей, поближе к Валаду, он на мгновение поворачивается ко мне с улыбкой и ставит посередине корзинку с пирогами, которую дала нам Ольга. Няня решила, что сегодня и наш праздник, а значит, можно лечь спать позже обычного и есть всё, что захочется.

— Те, что на юге рассказывают? Слышала, — признаётся Алия после кивка Валада.

— В которую из двух их легенд ты веришь? В ту, что Тень сама поднялась, когда жадные души приставали к богине, или в ту, где Морана лично отрезала сумрак у своих ног, чтобы Тень развеяла её одиночество? — задаёт свой частый вопрос Валад.

Как только мы узнали эти истории, так до сих пор спорим, какая из них правдивая. Брат уверен, что

*Морана сама отрезала Тень, я же считаю, что Тень самолично встала, намереваясь защитить богиню.*

*Алия так и застывает с пирогом во рту, не успевает проглотить, застигнутая врасплох этим вопросом. Ничего удивительного, даже взрослые, которых Валад спрашивал, задумывались, гадая, что ближе к истине. Если брат слышал негодный ему ответ, то начинал спорить, а там даже бояре и друзья отца не выдерживали упрямства Валада и в итоге вовсе отказывались отвечать, лишь бы княжич оставил их в покое.*

*— Я думаю, богиня сама отрезала сумрак у своих ног, — смущённым голосом отвечает княжна.*

*— И я так думаю! — воодушевляется Валад.*

*— Нет же! — неосознанно повышая голос я, привлекая их внимание. — Тень сама встала, чтобы защитить богиню!*

*Я с недовольством гляжу на Алию, чувствуя себя лишней даже больше, чем минуты назад.*

*— Моя сестра с чего-то уверена в этом, — слишком громко шепчет Валад Алие, насмехается надо мной, намеренно злит и совсем не удивляется, а, наоборот, хохочет, когда я кулаком бью его в плечо.*

*Сил у меня мало, поэтому он даже не морщится, зная, что на большее я и не способна.*

*— Не глупи, Вела. Если Тень — защитник Мораны, то и Мороки должны быть защитниками Мар. Но всем известно, что Мороки — чудовища.*

*— Нет!*

*— То есть Мороки не чудовища? — наигранно округляет зелёные глаза Валад.*

*— Чудовища! — Выпалив это, я сама запутываюсь. — Но нет... они ведь... Тень ведь защитила богиню в опасности. А Мороки... они не...*

*Валад демонстративно жуёт пирожок с вареньем, наблюдая за моими потугами. Но я не могу припомнить ни одного подходящего слова, чтобы объ-*

яснить свою мысль. Доказать его неправоту. Брат часто мне помогает в спорах с другими, но тут он мой соперник, поэтому даёт мне полноценно почувствовать собственный провал.

— Нет! — вновь кричу я, имея лишь это в качестве аргумента.

Алия непонимающе переводит взгляд с меня на Валада.

— Мороки — чудовища. Отец говорит, они мальчиков крадут для своих мрачных ритуалов, — поддакивает брату княжна.

Я громко соплю, решая, что княжна эта мне не друг. Она мне не нравится, и само её присутствие меня раздражает. Я пододвигаю корзинку с пирогами к себе и подальше от неё. Вначале глаза Алии расширяются от моего проявления откровенной наглости, но, несмотря на всю напускную скромность, княжна не так проста. Она хватается за другой край корзинки, перетягивая её на себя. Алия тоже упрямая.

Брат опять хохочет и стискивает мою шею в объятиях, большие похожих на хват. Я брыкаюсь, но он старше и сильнее. Из лука уже как несколько лет стреляет и с мечом тренируется понемногу.

— Вела обидчивая, особенно если с ней не согласны, — объясняет моё поведение брат. Знает он, что я потрепыхаюсь, пока не устану, а потом обмякну и буду покорно сидеть.

— А что вы слышали про Озема и Сумерлу?

Мы с Валадом моментально замираем, глядя на гостью. Я пользуюсь тем, что брат отвлекся, и выскользываю, но расчёсанные волосы путаются, а очелье спадает. Я торопливо хватаю украшение и надеваю обратно на голову, пока злые духи не вселились в моё тело, привлечённые праздником.

— Божества Подземного царства. Мы знаем о них немного, так как находимся далеко от горной гряды, — заинтересованно отвечает Валад. — Расскажи.

— Озем и Сумерла хранят недра земные, сторожат они золотые, серебряные и медные залежи, а самоцветов у них столько, что всем людям в мире хватит. Одеяния Озема и Сумерлы из чистого золота, но не радует их блеск драгоценностей, потому что отравлены их мысли страхом за свои богатства. Они уверены, что люди постоянно стремятся у них что-то украсть.

Мы с братом подаёмся вперёд, заинтересованные новой историей. Алия тоже склоняется к нам, понижает голос до заговорщицкого шёпота. Блеск её светлых волос почти не уступает переливам золотых серёжек и новой лунницы, что девочка уже повесила на шею. Свою же я всё ещё прячу в кармане, не желая, чтобы кто-нибудь, кроме меня, смотрел на неё.

— Не любят они людей, и угодны им разве что мёртвые и покорные, — продолжает княжна. — Однажды увидели они, как нити жизни людские сверкают золотом, и захотели их себе. Однако сколько ни пытались вырвать их из человеческих тел — ничего не выходило. Люди умирали, а нити жизни моментально затухали, теряя свой драгоценный блеск.

Я не замечаю, как мой рот удивлённо приоткрывается. Невольно содрогаюсь от мысли, что божества вырывают что-то из человеческих тел ради коллекции. Рассматриваю свои руки в поисках нитей жизни, зная, что они действительно где-то есть в наших телах, ищу свечение сквозь кожу, но ничего не вижу.

— И так копились трупы в недрах их царства, прямо рядом с сокровищами.

— Откуда ты всё это знаешь? Почему вы так уверены? — интересуется брат.

— Мы знаем о них больше, потому что живём рядом с горами. При добыче руды наши работники там иногда умирают под завалами, и мы знаем, что это дело рук Озема и Сумерлы, которые ненавидят



людей. Также говорят, что перейти гряды нельзя, но это неправда.

— Вы знаете тайный ход? — Валад оглядывается на двери, ведущие в коридор, проверяет, не караулит ли там кто из нашей стражи или нянь. Он знает, что они оборвут наш разговор, если услышат, чем делится Алия.

Мы с княжной повторяем за братом, прислушиваемся, но лишь далёкий взрыв хохота доносится до нас. За столом взрослые продолжают веселиться.

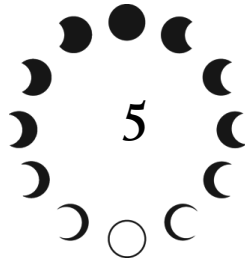
— На севере есть неширокий перевал, опасный он и создан узкой рекой, — продолжает гостя. — Часть её протекает по пещерам, в историях говорится, что если идти строго вдоль берега, то можно попасть на ту сторону гряды.

— Ты там была? — интересуется Валад.

— Нет! — моментально пугается Алия и отмахивается от вопроса быстрым движением руки. — Там не выживают! По старым легендам, раньше за грядой существовало несколько княжеств. Люди и там жили, теперь же на той стороне один лишь лес да развалины городов и деревень. Никто не выжил.

— Мертвецы, — уверенно кивает Валад, ему явно известна какая-то часть истории, которую он мне пока не рассказывал.

— Ага, — соглашается Алия со своим будущим женихом. — Река, та, что соединяет нас с противоположной стороной, в давние времена была чистой. Было это в те годы, когда мертвецы ещё не вставали, а люди, умирая, сразу уходили к богине на перерождение. Но в один из дней на той стороне гряды дно реки задрожало и треснуло, да так глубоко, что содрогнулось Подземное царство. Появилось фальшивое озеро, ставшее проходом на территорию Озема и Сумерлы. Именно так наверх вылезли первые мертвецы, а река была отравлена и стала зваться Смородина-река...



— **А** правда, что Смородина-река<sup>1</sup> источает смрад мертвецов? — с удивительной невинностью во взгляде интересуется Айка — младшая из сестёр-Мар.

Ей четырнадцать. Очаровательное милое лицо, мягкий голос, чёрные волосы, заплетённые в тугую косу. Девочка знает уже много историй, включая рассказы о Тени, и что нужно держаться от Мороков подальше. Она переводит взгляд своих карих глаз с мишени на собеседницу — Злату.

Той восемнадцать, и в следующем году она завершит обучение, как это делает каждая из Мар. Она уже взрослая девушка, но рост её необычайно мал. Я сама невысокая, и всё же сестра ниже меня на полголовы, а ещё год-два, и Айка Злату перерастёт. Однако даже низкий рост мы не воспринимаем как проблему. Злата юркая, она с лёгкостью ныряет под руки мертвецам, и те не успевают её схватить.

Чтобы взрастить в Злате чувство ответственности, мы поручили ей приглядывать за младшей, хотя на-

---

<sup>1</sup> Река Смородина (Смородина-река, Огненная река). Считается, что Смородина-река называется так не из-за ягоды, а от слова «смород», что значит «смрад», или «неприятный, удушливый запах».

ставницей Айки является Инга. А в ответе за обучение самой Златы — Руслана, старшая из нас. Только у меня, Ясны и Миры сейчас нет подопечных.

Сегодня мы с Ясной назначены наблюдать за обучением младших. Мы на тренировочном поле, позади главного здания. Здесь специально выровненная площадка, скамейки, стойки с оружием для занятий, чучела и мишени.

Восхитительная погода. Безоблачное голубое небо, по-летнему яркое солнце немного припекает, подбегая к полудню. Ветер дует в нашу сторону, донося аромат сирени. Сегодня я заметила, что цветы начинают медленно отцветать.

— Не знаю, я её никогда не видела, — отвечает Злата, поправляя стойку младшей и приказывая даже во время разговора уверенно держать лук и не сводить глаз с цели.

Ясна на ближайшей скамье прекращает точить кинжал и прислушивается к их диалогу. Я тоже подслушиваю, но не поднимаю глаз от куска дерева в моих руках. Он станет рукоятью для топора, прошлая сгнила и сломалась. Сестра Инга уже придала дереву нужную форму и отшлифовала, а меня попросила вырезать руны и символы оберегов.

— Мы туда когда-нибудь пойдём? Ведь через Смородину-реку перекинут мост на тот свет, а там наша богиня. Мы с ней увидимся? — продолжает Айка, а Ясна усмехается детской наивности, хотя что скрывать... Наверное, каждая из нас задавала подобный вопрос, узнавая о пути к богине.

Только это всё рассказы. Записи, что передаются между Марами, более точные. На Смородине-реке, может, и есть Калинов мост<sup>1</sup>, но он не соединяет мир

---

<sup>1</sup>Калинов мост — мост между миром живых и мёртвых. Говорят, его название происходит от древнерусского слова «калить». Подразумевается, что мост раскалён докрасна.

живых и мёртвых. Путь к богине Моране один — через собственную смерть. Да и кто вообще сможет пройти по раскалённому мосту?

— Нет никакого моста, Айка. Есть только озеро, что ведёт в Подземное царство, — отвечает Злата. — Стреляй.

Младшая Мара подчиняется. Стрела поёт, рассекая чистый воздух, и попадает соломенному чучелу в грудь. Злата довольно кивает и заставляет повторить выстрел. Она учит Айку натягивать тетиву и прицеливаться как можно быстрее, напоминая, что мертвец, как это чучело, стоять на месте не будет.

— А нельзя через это озеро попасть к богине? — с удивительным упрямством настаивает Айка.

Мы с Ясной переглядываемся, довольные улыбки не сходят с наших лиц. Слушать, как другие пытаются что-то втолковать младшим, поразительно увлекательно, потому что нам пока этим заниматься не нужно.

— Через это озеро можно попасть только к Озему и Сумерле, — громко отрезает Злата, упирая руки в бока, но Айка не замечает, следуя ранее сказанным наставлениям. Девочка смотрит только на мишень, уяснив, что можно продолжать болтать, если не отвлекаешься.

— Действительно из-за них всё началось? — не отстаёт Айка. — Нечисть появилась по их вине?

Ясна прыскает слишком громко, но тут же прикрывает рот кулаком и откашливается под внимательным взглядом Златы. Я ещё ниже опускаю голову и усерднее вырезаю символы острым ножом, чтобы девушка не увидела и мою улыбку.

Айка уже слышала эти истории на занятиях. Однако всё равно задаёт много вопросов, а некоторые сказания ей нравится слушать по нескольку раз. Вначале мы не могли понять, почему она это делает, но позже осознали, что дело в детском любопытстве. Руслана

надеется, что у неё это уже совсем скоро пройдёт, а пока отдуваться больше всех приходится Инге и Злате.

Ясна моментально прекращает хихикать, когда поднимает взгляд и натывается на синие глаза Златы, полные мольбы. Вот теперь я с трудом сдерживаюсь от хохота. Ясна не в состоянии выдержать жалостливый взгляд, обязательно пойдёт помогать. Я качаю головой, сдувая деревянную стружку.

— Айка, иди сюда, сядь рядом, — с тяжёлым вздохом, как всегда быстро, сдаётся Ясна.

Младшая оставляет лук и подчиняется, садясь рядом с сестрой на скамью.

— Я расскажу тебе историю, а ты следи за движениями Велы и Златы, не отвлекайся.

Услышав своё имя, я с недовольством смотрю на Ясну, та отвечает наглой улыбкой и кивает на тренировочное поле.

*Прекрасно. И меня втянула.*

Откладывая недоделанную рукоять, поднимаюсь и беру деревянный меч. Я не рассчитывала на тренировочный бой, поэтому со вздохом поправляю юбку сарафана: в ней будет неудобно.

— Когда-то очень давно по эту и по ту сторону горной гряды спокойно жили люди. На западе земля плодороднее и равнин для посевов больше, поэтому большинство поселились на этой стороне, но и там, за горами, за густым лесом, были деревни и, может, даже города, — рассказывает Ясна, пока мы со Златой встаём друг напротив друга. Она всего на год меня младше, поэтому поддаваться и осторожничать с ней я не буду. — Жили себе люди без бед. Не было ни упырей, ни бесов, ни кикимор и даже русалок. Не было Мороков и даже Мар.

— Как это не было Мар? — растерянно восклицает Айка. Ясна беззлобно шикает, и младшая вновь возвращает внимание ко мне и Злате.

Я рубящим ударом нападаю первой, а как только Злата отбивает, ухожу в сторону, прежде чем она успеет мне ответить. Сапогами приминаю свежую, ярко-зелёную траву, и та начинает пахнуть сильнее. Злате тоже неудобно в юбке, не получается делать размашистые, стремительные шаги.

— Не нужны были Мары, так как со смертью людей всегда рвались все три нити жизни. Каждый человек напрямую отправлялся к богине на перерождение. Но увидели Озем и Сумерла, как сверкают золотые нити людские, и захотели их себе. Начали утаскивать живущих поблизости в своё царство. Но сколько бы они ни пытались вытащить нити жизни и добавить в свою коллекцию сокровищ, ничего не получалось. Однако царь и царица подземных недр не сдавались. И горы трупов под землёй продолжали расти. Но Озем и Сумерла не всегда вырывали все три нити, иногда они хватали одну или две. Что будет, если в теле остаётся хоть одна целая нить?

— Мертвецы могут подняться, — незамедлительно отвечает Айка.

Мы со Златой продолжаем обходить друг друга по кругу, выискивая слабые места и выжидая удачный момент для атаки, но сестра, как и я, внимательно прислушивается к рассказу. Я специально оступаюсь на мелком камне, Злата моментально дёргается вперёд, намереваясь достать меня косым ударом. Я отбиваюсь, отводя деревянный меч противницы в сторону, но сестра делает нужный мне колющий выпад, и я, вместо того чтобы отойти, наоборот, шагаю вперёд. Тренировочный меч Златы проходит рядом с моим торсом, едва не задевая живот. Синие глаза сестры расширяются, она понимает свой промах и осознаёт ловушку. Я хватаю её запястье и резко выкручиваю, отчего девушка роняет меч и сгибается от боли.

— Айка, почему проделанный Велой трюк не срабатывает на упыре? — неожиданно меняет тему Ясна, проверяя, как младшая следила за боем.

— Боль. Злата чувствует боль, а упыри нет, — после непродолжительного раздумья отвечает девочка.

— Верно, — удовлетворённо кивает Ясна, пока я аккуратно отпускаю Злату, чтобы случайно не вывихнуть ей запястье. — Упырю можно эту руку хоть сломать, но толку будет мало.

Злата встряхивает кистью, избавляясь от оставшегося эха резкой боли, поднимает тренировочный меч и вновь отходит на нужное расстояние.

— Когда образовалось озеро на той стороне гряды, его воды достигли Подземного царства Озема и Сумерлы, а потревоженные дрожью землёй мертвецы поднялись и выбрались наружу, — возвращается к рассказу Ясна. — Всё это произошло летом, когда Морана не гуляла по земле и не укрывала леса и поля снегом. Так как мертвецы вылезли на той стороне гряды, то в первую очередь напали на ближайшие деревни. Люди, не зная, как справиться с нечистью, быстро проигрывали. Они умирали, а гниющие тела в огромном количестве отравляли землю и реки. Смерть, как зараза, стала расползаться во все стороны. Всё больше и больше мертвецов начали вставать. В зависимости от их смерти появились разные виды нечисти. Мертвецы в воде становились утопленниками либо русалками. Трупы из братской могилы возвращались бесами. Души, стонающие над своими непохороненными костями, стали призраками...

Я улыбаюсь оттого, что сейчас из-за проигрыша Злата вкладывает в бой больше сил и раздражения. Мне приходится отступать, отбиваясь от непрекращающихся атак. Из-за стука дерева о дерево я пропускаю несколько фраз Ясны.

— По Смородине-реке отравы с восточных земель пришла на западные. К концу осени живых на той

стороне не осталось, и тогда мертвецы, чую тёплую кровь, перешли на запад. Спаслись смертным помогла Морана. Пришла богиня с первыми морозами и ужаснулась происходящему. Души, что должны были прийти к ней, продолжали бродить по земле, умножая смерть и обрывая чужие жизни раньше времени. Озем и Сумерла радовались, ведь им люди угодны только мёртвые. Разгневалась Морана от вида того, что сотворили в её отсутствие, наказала виновников и отметила семь девушек, внешне похожих на неё саму.

— Почему мы должны быть похожи на богиню? — вклинивается Айка.

— Потому что Озем и Сумерла страшатся Мораны, а нас от неё отличить не могут, — громко отвечаю я и ухожу из-под меча Златы, растягивая губы в хищной улыбке. — Потому и Мар боятся — неуверенные, Морана перед ними или отмеченная смертная.

К счастью, я успеваю договорить и резко приседаю. Меч Златы проскальзывает над моей головой, но сестра застаёт меня врасплох. Пинает по ногам, и я неожиданно оказываюсь лицом на траве.

— Вела права, но не повторяй ошибок своей сестры, Айка. Всегда следи за ногами противника. — Едва не смеётся Ясна, наблюдая, как я откатываюсь в сторону, не позволяя Злате прижать оружие к моему горлу. — Отметила богиня Мар, чтобы мы помогли ей вычищать нашу сторону от нечисти, спасти тех смертных, кто ещё остался, и упокоить тех, кто вовсе по земле ходить не должен. Морана также обрушила часть горы и перекрыла перевал, отделяя уже погибшую восточную сторону от западной. На нашей стороне мертвецов меньше, но зараза впиталась в самую землю, поэтому они теперь часть нашей жизни. Всё, что мы, как Мары, можем сделать, — это уменьшить количество нечисти настолько, чтобы она не успевала нападать на живых.



Решая отплатить сестре за грязное платье, намеренно сваливаю противницу с ног. Злата недовольно сопит, глядя на зелёные пятна от травы на её сарафане.

— Озем и Сумерла более не опасны? — Я с трудом разбираю вопрос Айки из-за внезапного ветра.

— Сейчас нет, — уверяет Ясна. — Своих чертогов подземных они не покидают. Ранее царь и царица спали только в зимний период, уверенные, что людям до их сокровищ через мёрзлую землю не пробраться. Однако после гнева Мораны они на поверхность и вовсе не выходят, страшась вновь с ней столкнуться.

— Мороки — тоже чудовища. Почему при встрече с ними нужно бежать, ведь мы охотимся на другую нечисть?

Вопрос Айки приводит Ясну в замешательство, сестра некоторое время молчит, а я за эти мгновения успеваю опять сойтись со Златой. Бой выходит длинным и утомительным. Я тяжело дышу, а чёрные пряди липнут к вспотевшей шее. Решаю закончить с тренировкой, атакую несколькими неожиданными выпадами, вкладываю всю силу в удары, пока не выбиваю меч из рук противницы и не приставляю острый конец оружия к её горлу.

Злата, как и я, тяжело дышит, замирает на мгновение, осознавая поражение, а потом фыркает и пальцами отталкивает мой деревянный меч от своего горла.

— Мороки как самые опасные хищники, — поясняет Ясна, насмешливо оглядывая мой помятый вид и грязь на одежде. — Они хоть и чудовища, но всё же убивают себе подобных. С этой стороны слуги Тени нам даже полезны, так как делают нашу же работу, но с другой — мы прислушиваемся к наставлениям старших. Хоть точно и не знаем, что у Мороков под масками, но все предыдущие Мары предупреждают об одном: бежать надо при виде Морока. Так мы и поступаем.

— А вы видели хоть одного?

— Да, — отвечает Ясна, а взгляд Златы падает на меня, но моё лицо остаётся спокойным. Только сжимаю челюсти чуть сильнее.

— И какая у него...

— Мы убежали, Айка, — строго обрывает новый вопрос Ясна. — Сделали, как было велено старшими. И ты запомни этот урок.

Младшая замечает перемену в нашем настроении. Вся лёгкость разговора испаряется, сменяясь напряжённостью. Айка чувствует, что стоит закрыть эту тему. Бормочет под нос извинения и говорит, что поняла и убежит, если встретит Морока. Ясна отправляет девочку помочь на кухне, а я вновь берусь за деревянную рукоять и нож. Чем больше заняты руки — тем легче ни о чём не вспоминать.